

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ – СССР
НА ПРОТЯЖЕНИИ XVIII–XX ВВ.
ETHNIC MINORITIES AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIA – USSR
THROUGHOUT XVIII–XX CENTURIES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-8-18>
EDN: LBGSSQA

Научная статья / Research article

**Диаспоры этнических меньшинств
в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.:
демографические и социальные особенности**

Елена Александровна Брюханова , **Оксана Ивановна Чекрыжова** ,
Наталья Владимировна Неженцева
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
 elena@hist.asu.ru

Аннотация: Представлена сравнительная характеристика, некоторые социально-демографические особенности и миграционные процессы этнических групп Тобольской губернии с целью оценки уровня сформированности здесь этноконфессиональных сообществ и диаспор, определения стратегий их адаптации и/или интеграции с местным городским обществом на рубеже XIX–XX вв. Отдельное внимание уделено представителям еврейского, польского и немецкого населения. Источниками исследования послужили как опубликованные итоговые результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии, так и сами переписные листы. С помощью комплексного анализа персональных данных была получена выборка по критерию родного языка (польского, еврейского, немецкого), в которую вошли 308 немцев, 1840 поляков и 1876 евреев. Авторы приходят к выводу, что численность местных уроженцев, приписного населения, структура их семей, наличие религиозных сооружений указывают на наличие еврейской и польской диаспор в Тобольске, еврейской общины – в Ялуторовске, польской – в Ишиме. При этом установлено, что немецкое население в городах было малочисленным, еврейское общество – наиболее замкнутым, в польской и немецкой среде чаще встречались смешанные браки и их состав активно пополнялся за счет выходцев из Привислинских и Остзейских губерний.

Ключевые слова: этнические сообщества, городское население, внутренняя миграция, межэтнические отношения, Сибирь

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

Для цитирования: Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.: демографические и социальные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-8-18>

Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Governorate in the Late XIX – Early XX Century: Demographic and Social Features

Elena A. Bryukhanova , Oksana I. Chekryzhova , Natalia V. Nezhentseva

Altai State University, Barnaul, Russia

 elena@hist.asu.ru

Abstract: The authors present a comparative description, some socio-demographic features and migration processes of the ethnic groups of the Tobolsk Governorate in order to assess the level of the formation of ethno-confessional communities and diasporas there, to determine strategies for their adaptation and/or integration with local urban society at the turn of the XX century. Special attention is paid to representatives of the Jewish, Polish and German populations. The sources of the study are both the published results of the 1897 First General Census of the Russian Empire for the Tobolsk Governorate and census forms. Using the comprehensive analysis of personal data, there was obtained a sample based on the criterion of native language (Polish, Jewish, German) which included 308 Germans, 1840 Poles and 1876 Jews. The authors come to the conclusion that the number of local natives, the registered population, the structure of their families, and the religious buildings indicate the presence of Jewish and Polish diasporas in Tobolsk, a Jewish community in Yalutorovsk, and a Polish community in Ishim. At the same time, it was established that the German population in the towns was sparse; the Jewish community was the most closed one; mixed marriages were more common in the Polish and German communities and they were actively replenished by immigrants from the Kingdom of Poland and Baltic provinces.

Keywords: ethnic communities, urban population, internal migration, interethnic relations, Siberia

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

For citation: Bryukhanova, E.A., Chekryzhova, O.I., and Nezhentseva, N.V. “Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Governorate in the Late XIX – Early XX Century: Demographic and Social Features.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 8–18 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-8-18>

Введение

Актуальность. Межэтнические и межконфессиональные отношения, история формирования и расселения диаспор представляют интерес как в историческом, так и современном контекстах. Западная Сибирь уже в конце XIX в. являлась многонациональным регионом, население которого формировалось за счет внутренних миграций.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии к различным аспектам этноконфессиональных сообществ Сибири обращались многие исследователи. Вопросы формирования польской, еврейской и немецкой диаспор, их адаптации и межкультурной коммуникации рассматривались в работах П.П. Вибе¹, Д.Г. Коровушкина, И.В. Лоткина, Т.Б. Смирновой², В.А. Скубневского³, В.Н. Шайдурова⁴,

¹ Вибе П.П. Немцы в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.

² Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири. Новосибирск, 2003; Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003.

³ Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польские ссыльные в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 170–175.

⁴ Шайдуров В.Н. 1) О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 88–97; 2) Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае, конец XIX – начало XX вв. Барнаул: Полиграф сервис, 2003.

Е.В. Карих⁵ и др. Несмотря на обширную библиографию⁶, компаративное исследование статистических данных, а также изучение этнических групп на основе номинативных источников позволит внести вклад в развитие заявленной тематики.

В статье представлена сравнительная характеристика этнических сообществ, а также некоторые социально-демографические особенности и миграционные процессы отдельных этнических и конфессиональных групп, сведения о которых представлены в материалах переписи населения 1897 г.

Целью исследования является определение уровня сформированности этноконфессиональных сообществ и диаспор, стратегий их адаптации и/или интеграции с местным обществом в городах Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Источниковой базой послужили агрегированные и номинативные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Особенностью материалов переписи 1897 г. является отсутствие указания на этническую идентификацию, поэтому представление о национальном составе населения Сибири конца XIX в. формируется на основе сведений о родном языке и вероисповедании, которые представлены как в опубликованных, так и первичных данных переписи 1897 г.

Статистические выпуски Переписи 1897 г. содержат широкий набор данных о родном языке, вероисповедании, расселении, гендерном, возрастном, социальном составе и занятости населения Сибири конца XIX в.⁷

Сохранившиеся в Государственном архиве в г. Тобольске в фонде Тобольского губернского статистического комитета (Ф. 417) переписные листы представляют собой уникальные исторические источники, которые используются для генеалогического поиска и позволяют составить пофамильный список жителей и гостей городов Тобольской губернии на январь 1897 г. Рассмотрение сведений переписных листов по определенным критериям позволяет существенно дополнить статистические материалы и выявить некоторые демографические, социальные и экономические особенности этнических групп, проживавших в городах Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. Комплексный подход к анализу персональных данных был проведен на основе материалов источникориентированной базы данных по сведениям переписных листов 1897 г., созданной авторами статьи и представленной в открытом доступе⁸. С помощью этой базы данных была получена выборка по критерию родного языка (польского, еврейского, немецкого), в которую вошли 308 немцев, 1840 поляков и 1876 евреев. База данных широко используется для изучения городского населения Сибири, в том числе отдельных этноконфессиональных групп. Часть материалов, представленных в настоящей статье, впервые вводится в научный оборот.

Этнические меньшинства в городах Тобольской губернии по агрегированным данным переписи 1897 г.

В Тобольской губернии наиболее многочисленными этносами, кроме русских, были татары (56,9 тыс. чел.), малороссы и белорусы (42,1 тыс.) (об украинцах и белорусах как этнических меньшинствах в Сибири писала И.В. Нам⁹), а также

⁵ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001.

⁶ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Поляки в Сибири (XIX – начала XX в.) в освещении постсоветской отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 162–170.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905.

⁸ Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

⁹ Нам И.В. Институционализация этничности в Сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 40.

группа местных народностей, представленная (в порядке убывания численности) остяками, зырянами, вогулами, самоедами, эстами и мордвой (всего 38,9 тыс.)¹⁰. Из этнических групп с численностью менее 10 тысяч человек заметными были киргизы и башкиры (7,9 тыс. чел.), поляки (5,7 тыс.), латыши и литовцы (3,6 тыс.), евреи (2,4 тыс.), цыгане (1,5 тыс.) и немцы (1,1 тыс.).

Статистические материалы переписи 1897 г. позволяют проследить предпочтения этносов в расселении, в том числе по городам. Так, самой «урбанизированной» этнической группой были евреи; 79,7 % из них (1903 чел.) проживали в городах. Доля поляков (33,7 %, – 1936 чел.) и немцев (30,9 % – 346 чел.), проживавших в городах, была ниже. Довольно часто в историографии процент городского населения среди поляков в Сибири оценивался как низкий¹¹, тем не менее указанное значение является одним из самых высоких среди всех народностей Тобольской губернии. Например, доля городского населения среди татар (1573 чел.) и малороссов (1397 чел.), немного уступающих по абсолютной численности в городах полякам и евреям, была гораздо ниже (2,8 и 3,7 % соответственно). Более того, доля поляков и евреев в составе городского населения губернии (по 2,2 %) также являлась заметной в сравнении с другими малочисленными этноконфессиональными группами.

Анализ распределения представителей этнических групп по административным центрам Тобольской губернии позволил выявить места компактного проживания отдельных этносов в городах. Наиболее привлекательными оказались экономические центры губернии. Так, в Тобольске проживало 64 % (1227 чел.) горожан-евреев и 30,3 % (586 чел.) поляков; в Тюмени – 38,7 % немцев и 38,4 % украинцев. Местные татары-горожане наиболее концентрировано проживали в г. Тара (39 % – 613 чел.), а представители сибирских инородцев (зырян и остяков) проживали в г. Березов (50,2 %). Все проценты посчитаны от числа городского населения этносов¹². Наиболее дисперсно проживали поляки и татары, размещавшиеся, кроме Тобольска, также в Ишиме и Кургане. Конечно, доля этнических групп в городах была невелика: наиболее заметным был процент татар в Таре (8,5 %)¹³, евреев – в Тобольске (6 %), поляков и малороссов – в Ишиме (4,4 %, 3,9 % соответственно).

Одним из показателей, отражающих не только наличие отдельных этноконфессиональных групп в городах, но и их диаспоризацию (консолидирующий фактор конфессиональных отношений также отмечали исследователи)¹⁴, является наличие в административных центрах культовых объектов. Почти все этнические группы в городах оказались моноконфессиональными: евреи исповедовали иудаизм (98,8 %), поляки были католиками (98,3 %), татары – мусульманами (97,5 %), малороссы, а также инородцы-горожане придерживались православия (99–100 %). Большинство немцев бы ли приверженцами лютеранства (82 %), но также исповедовали католичество (4,6 %) и иудаизм (6,3 %)¹⁵. По сведениям о населенных местах, собираемых в 1895–1896 гг. для проведения переписи, Тобольск выглядел религиозным

¹⁰ Первая всеобщая перепись населения... С. 76–81.

¹¹ Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 88–97; *Островский Л.К.* Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80–83.

¹² Первая всеобщая перепись населения... С. 76–81.

¹³ Брюханова Е.А., Неженцева Н.В., Чекрыжова О.И. Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 135–154. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338>

¹⁴ Нам И.В. Институционализация этничности... С. 34.; Герасимова В.А. Иудейское культовое строительство Тобольска в XIX в.: опыт источниковедческого исследования // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 915–916.

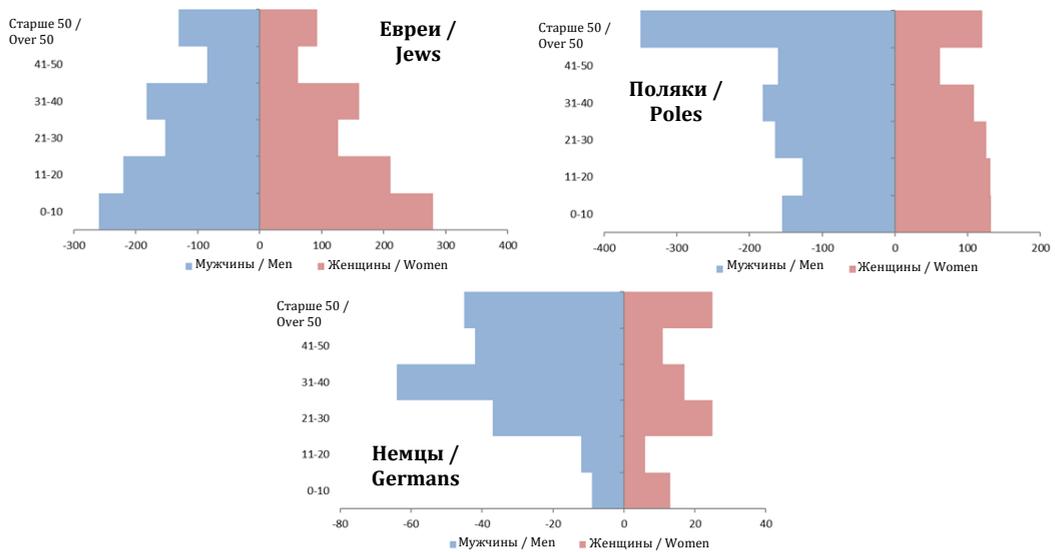
¹⁵ Первая всеобщая перепись населения... С. 82–101.

и многонациональным центром губернии; на его территории располагались 28 церквей, костел, кирха, мечеть и синагога. Кроме Тобольска, еще одна мечеть располагалась в Таре, еврейский молитвенный дом (синагога) – в Ялуторовске¹⁶.

Социально-демографические особенности и пути формирования этноконфессиональных групп в городах Тобольской губернии

Статистические сведения, содержащиеся в переписных листах 1897 г., содержат широкий обзор данных по большинству этнических групп. Тем не менее далеко не весь собранный в переписных листах материал был обработан и издан, кроме того, первичные документы позволяют уточнить некоторые опубликованные сведения. В контексте данного исследования представляли интерес такие показатели, как возрастной и гендерный состав, место рождения, приписки и квартирования, семейная структура и особенности проживания, а также отдельные примеры семей и персон. На наш взгляд, такие сведения позволяют проследить, с одной стороны, пути формирования этнических групп в городах Тобольской губернии, с другой, – внутреннюю сплоченность и диаспоризацию сообществ.

Интересным отражением разных исторических судеб и отличий в подходах к интеграции и/или адаптации в городские сообщества Тобольской губернии этнических групп являются половозрастные пирамиды, построенные по данным переписных листов по признаку родного языка для евреев, поляков и немцев (рис.).

Половозрастные пирамиды евреев, поляков и немцев по материалам переписных листов 1897 г.
Gender and age pyramids of Jews, Poles and Germans based on 1897 Census forms

Источник: Диаграммы составлены на основе данных переписных листов, размещенных в информационной системе «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.» (ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1–38, 732–739, 1374–1392, 1931–1943, 2526–2530, 2810–2815, 3270–3328, 3655–3660). См.: Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/households/> (дата обращения: 05.11.2023).

Source: The diagrams are compiled on data from census forms posted in the information system «Population of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries based on materials from the First General Census of 1897.» (GAT. F. 417. Inv. 2. Files 1–38, 732–739, 1374–1392, 1931–1943, 2526–2530, 2810–2815, 3270–3328, 3655–3660). See: Population of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries based on materials from the First General Census of 1897. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/households/> (access date: 11.05.2023).

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2446. Л. 1–2 об., Д. 2459. Л. 2 об., Д. 2443. Л. 1а об.

Наиболее пропорционально выглядит структура еврейской этнической группы, в которой много детей и молодежи до 20 лет. Численность в старших возрастных группах этой категории населения немного сокращается, при этом количество мужчин и женщин – равномерно. Такая структура соответствует плавному, длительному и достаточно успешному развитию сообщества. Действительно, 59 % евреев являлись уроженцами Тобольской губернии и 78,2 % из них были приписаны к городским обществам: наибольший процент сибирских евреев был в Тобольске и Ялуторовске. Показательным примером динамического развития сообщества евреев, но при этом их сложных отношений с органами государственного управления являлась ситуация с организацией синагог в Тобольске, описанная В.А. Герасимовой¹⁷, когда в 1880-х гг. не только не была открыта третья синагога, но и была закрыта вторая. В Тобольске к моменту переписи 1897 г. была всего одна синагога, проживало около 200 еврейских семей, примерно половина из которых квартировались в собственных домах (по правилам для открытия молельного дома необходимо было наличие 30 домохозяев¹⁸).

Изучение выборки показало, что для евреев были характерны «большие» семьи, когда в одном домохозяйстве проживало несколько поколений (как правило семья родителей и одного из взрослых детей) и в семьях было не менее 3–4 детей. Кроме того, в доме часто проживали другие родственники или квартиранты, также евреи. Например, в доме тобольского извозчика Берко Коркина проживали: он сам с женой, их 6 детей от 20 до 2 лет, жена старшего сына и их двое детей (2 года и 2 месяца), а также нахлебник – еврейский учитель, и квартирант¹⁹. Можно отметить, что еврейская этническая группа выглядит довольно замкнутой, так как смешанных браков мало, а пополняется в том числе благодаря миграциям, которые можно проследить на основе данных о месте рождения детей как внутри Тобольской губернии, так с территории близких губерний: Томской, Акмолинской, Пермской и т. д. Например, анализ места рождения членов большого семейства тарских купцов Сутиных, во главе которого стояли Рива Иосифовна, 47 лет, с мужем Берком Наумович, 75 лет, позволил установить, что изначально семья Сутиных проживала в Минской губернии, где родились все члены семьи старшего поколения (от 42 лет и старше). Затем семья жила в г. Омске Акмолинской области, где были рождены члены семьи, возраст которых на момент переписи 1897 г. составлял от 20 до 25 лет. В 1880-е гг. семья переехала в Тару, где появились младшие представители семьи, возраст которых не превышал 17 лет. Семейство активно занималось предпринимательством, мать содержала извозный промысел, сыновья владели торговыми и промышленными заведениями, торговали мясом, мелочным товаром, деревянной посудой²⁰.

Демографическая структура польской этнической группы (см. рис.) характерна для неестественного развития сообщества. Среди поляков только 28,5 % были местными уроженцами (наибольшее их число сосредотачивалось в Тобольске и Ишиме) и 37,6 % входили в городское общество. Источниками пополнения польского населения региона были почти все губернии Царства Польского, а также некоторые западные губернии (Гродненская, Ковенская, а также Минская). Для поляков были типичны нуклеарные семьи (родители и несовершеннолетние дети), в семье обычно было 3–4 ребенка. Так, семья хлебопек и мелких торговцев-лавочников Олизаро-

¹⁷ Герасимова В.А. Иудейское культовое строительство Тобольска в XIX в.: опыт источниковедческого исследования // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 909–922. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-909-922>

¹⁸ Там же. С. 916.

¹⁹ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 1. Л. 31 об., 32 об.

²⁰ Там же. Д. 1938. Л. 63, 71, 116; Д. 1935. Л. 75; Тара. Уличная история / сост. В.Н. Носкова. Омск, 2019. С. 187.

вича Андрея и Констанции проживала в собственном доме в Тобольске и имела 5 детей от 5 до 14 лет²¹. При этом относительно ровная половозрастная структура сообщества до 50-летней группы может говорить о высокой мобильности его представителей. Выделяющаяся группа лиц старше 50 лет объясняется тем, что значительная часть польской диаспоры в городах Тобольской губернии сформировалась из сосланных участников польского восстания 1863 г. Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных участникам этого события, комплекс первичных материалов переписи 1897 г. позволяет детализировать судьбы некоторых из них²². Например, С.А. Мулина при составлении списка ссыльных поляков отмечала, что судьба художника Перловского Франца Францевича оставалась практически неизвестной, не было никаких сведений, кроме факта его ссылки в Западную Сибирь²³. Однако сведения о художнике Франце Перловском, мещанине 50 лет, уроженце города Ченстохов Петроковской губернии, содержатся в переписных листах 1897 г. по городу Тюкалинску. Согласно указанным в переписном листе сведениям Франц Перловский проживал в городе Тюкалинске на улице Тобольской, с русской женой Надеждой Григорьевной, уроженкой Тобольской губернии, ее сестрой и малолетним племянником. В качестве побочного занятия художник Перловский указал «занятие фотографией»²⁴.

Другой участник польского восстания Быдельский Болислав Игнатьевич, 54 лет, дворянин, купец 2-й гильдии, лишенный как политический преступник всего имущества²⁵, на момент переписи проживал в городе Тобольске на углу Пятницкой и Абрамовской улиц. Он занимался торговлей бакалейными товарами, водкой, вином, пивом и сухими дрожжами, являлся членом сиротского суда и председателем оценочной комиссии. Проживал с женой Ядвигой, уроженкой Гродненской губернии, и шестью детьми, родившимися уже в Тобольске. Совместно с семьей проживали два приказчика торговых лавок, один из которых был поляк и практически ровесник хозяина (Ковальский Андрей Викентьевич, 58 лет)²⁶.

Интересным примером консолидации членов польской диаспоры является семья Волейш, проживавшая на момент переписи 1897 г. в самом центре города Ишим на улице Киселевской. Глава семейства Волейш Мерцел Андреевич, 61 года, проживал с женой и четырьмя детьми, невесткой и тремя внуками. Все, кроме внуков, являлись уроженцами Ковенской губернии. Глава домохозяйства владел мостами и паромом. Один из его сыновей служил писцом Ишимского окружного казначейства. Жена и другой его сын занимались табаководством²⁷. На той же улице, но в доме Франца Оленского, проживали Волейш Иосиф Марцелевич, 37 лет, с женой Юлией Францевной и тремя детьми (жена и дети были уроженцами г. Ишим)²⁸. По всей видимости, Иосиф с семьей проживал в доме тестя и как член семьи тестя занимался табаководством, привлекал к этому занятию своего брата и мать, образуя своего рода семейный бизнес.

²¹ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 4. Л. 73 об.

²² Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863–1864 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004; Шостакович, Б.С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Вып. 3. Иркутск, 2006. С. 254–272.

²³ Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 23.

²⁴ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 2813. Л. 28 об.

²⁵ Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

²⁶ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 14. Л. 78 об.

²⁷ Там же. Д. 734. Л. 28 об.

²⁸ Там же. Л. 54 об.

Поляки, проживавшие в городах Тобольской губернии, предпочитали заключать браки между собой. Часть этих браков была заключена еще на родине, поскольку достаточно часто встречаются семьи, где муж и жена – уроженцы одной территории или города Привисленских губерний. Значительная часть польских семей сформировалась путем браков между приезжими и местными поляками. Встречаются и межнациональные браки с русскими. Одним из таких примеров является семья Садовского Якова Фомича, дворянина, уроженца Виленской губернии, проживавшего в г. Тобольске. Он был женат на русской, имел двух дочерей, значившихся в переписном листе как русские и православные. Занимался содержанием домохозяйства, состоявшего из трех домов. Основным занятием Якова Фомича являлась сдача в аренду меблированных комнат. Все его постояльцы были представителями дворянского сословия – советник Тобольского губернского суда, капитан в отставке, учитель гимнастики, письмоводитель Тобольского суда, заседатель окружного суда²⁹.

«Перевернутая» демографическая структура (см. рис.) немецкой этнической группы свидетельствует о том, что немецкое сообщество в городах Тобольской губернии либо начало формироваться относительно недавно, либо о том, что Сибирь рассматривалась представителями этнической группы как место временного пребывания, чаще всего связанного с рабочими или семейными делами. Немецкое население приезжало в Сибирь из остзейских губерний, а также Московской, Санкт-Петербургской и некоторых других губерний.

Примерами высококвалифицированных кадров из немецкой среды, прибывших в Сибирь по службе, могут быть: смотритель Тобольской Каторжной тюрьмы № 1 Фон Гофланд Карл Эдвинович (24 года, дворянин Лифляндской губернии, проживал с женой и детьми, из которых только младшая дочь родилась в Тобольске)³⁰; пастор Тобольской губернии Фрейберг Иоган Андреевич, 30 лет, вместе с женой Анной были уроженцами Курляндской губернии³¹; губернский архитектор строительного отделения Даугель Альфред Августович, 32 лет, уроженец Санкт-Петербурга, проживал с женой и тещей³².

В выборке по немецкому языку семей и особенно семей с детьми, выявлено довольно мало. Интересно, что в Тобольске детей до 20 лет, указавших в качестве родного языка немецкий, оказалось только 9 (из 97 немцев), в Тюмени – 26 (из 120). Активные миграционные процессы в среде этнических групп проходили в г. Тюмени, в котором доля приписанного населения из немцев, поляков и евреев составляла всего 7 %. Кроме того, по сведениям о месте рождения детей, можно предположить место прежнего проживания родителей. Интересным примером является семья из Тюмени немцев Мендельсонов – торговца Германа (рожденного в г. Москве) и белошвейки Анны (рожденной в г. Туккум Курляндской губернии), имевших трех детей от 13 до 18 лет, рожденных в Санкт-Петербурге, но приписанных в г. Газенпот Курляндской губернии, тогда как родители являлись мещанами г. Мариинска Томской губернии³³.

Около 27,5 % (85 из 308) немцев не были связаны родством с теми хозяйствами, в которых проживали, то есть были служащими, работниками, прислугой, квартирантами или гостями. Например, в выборку попала семья цирковых артистов из Дании Фридрика-Карла Кристенсена и его детей: дочерей Марты и Шарлотты, сына Юлия, выступавших в цирке в Тюмени³⁴. Еще около 10 % немцев проживали

²⁹ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 8. Л. 73–76.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 59 об.

³¹ Там же. Д. 8. Л. 149 об.

³² Там же. Д. 13. Л. 20 об.

³³ Там же. Д. 3278. Л. 11 об.

³⁴ Там же. Д. 3272. Л. 176 об.

в семьях родственников, которые не указали немецкий как родной язык. Последнее обстоятельство, а также малая численность детей, на наш взгляд, могут быть следствием смешанных браков, которых в среде немцев было больше, чем у представителей других этнических групп. Причем, не имело значение, муж или жена были немцами, детям из смешанных браков часто указывали в качестве родного другой язык. Например, в семье Штыцкоберов Александра и Агриппины (г. Тобольск) только отец указал в качестве родного языка немецкий; жена и дети указали, что они – русские, православные³⁵. У детей Верещинских, поляка Мечеслава и немки Каролины (г. Курган) родным языком указан польский³⁶. Распространенной была ситуация проживания родственников-немцев в русских семьях: уроженка Эстляндской губернии Лидерач Жанета проживала в семье известного тобольского врача Де-Карлино Николая и его жены, православных русских, уроженцев Вятской губернии³⁷. Вельш Анна, уроженка Курляндской губернии, жила в семье дочери Оболтиной Феофании, родившейся в Лифляндской губернии, все члены семьи Оболтиных были русские православные³⁸. Такие примеры в большей мере характерны для немцев-горожан, вследствие их малочисленности и особой стратегии адаптации, близкой к интеграции³⁹. Тогда как в сельской местности исследователи отмечали обособленность и даже «закрытость» немецкого сообщества⁴⁰. Но следует также учитывать, что переписные листы заполнялись «со слов», поэтому сведения могли либо отражать самоидентификацию человека, либо его стремление показать более «благонадежные» сведения.

Выводы

Как показало проведенное исследование, самой городской этнической группой в Тобольской губернии были евреи, проживавшие в городах Тобольске и Ялуторовске. В свою очередь, наличие в данных городах синагог, пропорциональная демографическая структура, численность местных уроженцев, приписного населения, довольно замкнутая стратегия адаптации (отсутствие смешанных браков, большие семьи из нескольких поколений) указывают не только на сформированность диаспоры, но и на ее относительно длительное развитие.

Из представителей польской и немецкой групп только около 30 % были горожанами, и это заметный показатель по сравнению с другими этническими группами. Но проживали немцы и поляки рассредоточено, большинство выбирали крупные города и значимые центры – Тобольск, Курган и Тюмень. Значимая доля поляков (4,4 %) была в г. Ишиме. Польское и немецкое сообщества формировались и пополнялись за счет принудительных и добровольных миграций, преимущественно выходцами из Привислинских и Остзейских губерний. На основании наличия религиозных центров, можно предположить наличие польской и, возможно, немецкой (несмотря на малочисленность) диаспор в г. Тобольске и польской общины в г. Ишиме. Стоит отметить распространенность смешанных браков в рассматриваемых этнических группах. При этом и поляки, и немцы могли выбирать разные

³⁵ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 16. Л. 18.

³⁶ Там же. Д. 1380. Л. 209.

³⁷ Там же. Д. 9. Л. 68.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 28.

³⁹ Кротт И.И. «Чужаки» в условиях иноэтничной среды: предпринимательство сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 92–108.

⁴⁰ Нам И.В. Институционализация этничности в Сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 34–49.

стратегии адаптации, наиболее распространенными из которых были кооперация с соотечественниками или интеграция в местное общество.

В целом на рубеже XIX–XX вв. в городах Тобольской губернии происходили активные процессы формирования этноконфессиональных сообществ и диаспор, выбор стратегий адаптации и взаимоотношений с местным городским обществом. Но уже в начале XX в. в связи со строительством и вводом в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали, реализацией государственной переселенческой политики социально-демографическая и этноконфессиональная структура городского общества Сибири в целом и Тобольской губернии в частности претерпела существенные изменения за счет внутренней миграции населения, преимущественно, из Европейской части Российской империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 04.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 17.11.2023

References

- Bryukhanova, E.A., Nezhenceva, N.V., Chekryzhova, O.I. “Muslim Population in the Siberian Cities according to the Census of 1897.” *Journal of Frontier Studies* 6, no. 4 (2021): 135–154 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338>
- Gerasimova, V.A. “The Jewish Houses of Worship in Tobolsk in the 19th Century: A Source Study.” *Herald of an Archivist*, no 3 (2019): 909–922 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-909-922>
- Karih, E.V. “Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development in the 19th – early 20th centuries.” PhD thesis, Tomsk State University, 2001 (in Russian).
- Kononova, L.P. “Link of participants in the Polish uprising of 1863–1864.” PhD thesis, Pomorsky State University, 2004 (in Russian).
- Korovushkin, D.G., Lotkin I.V., and Smirnova T.B. *Neslavianskie etnodispersnye группы v Zapadnoi Sibiri* [Non-Slavic ethno-dispersed groups in Western Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo instituta arkhologii i etnografii SO RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Krott, I.I. “‘Chuzhaki’ v usloviakh inoetnichnoi sredy: predprinimatel'stvo sibirskogo pereselencheskogo sobshchestva vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [‘Strangers’ in a different ethnic environment: entrepreneurship of the Siberian migration community in the second half of the XIX – early XX century].” *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* 7, no. 2 (2014): 93–108 (in Russian).
- Mulina, S.A. “Participants of the Polish uprising of 1863 in West Siberian exile.” PhD diss, Dostoevsky Omsk State University, 2005 (in Russian).
- Nam, I.V. “Institutionalization of Ethnicity in the Siberian Settlement Society (late XIX – early XX c.).” *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, no. 10 (2014): 34–49 (in Russian).
- Noskova, V.N., ed. *Tara. Ulichnaia istoriia* [Tara. street story]. Omsk: Amfora Publ., 2019 (in Russian).
- Ostrovskij, L.K. “Pol'skoe naselenie gorodov Zapadnoi Sibiri (1890–1917 gg.) [Polish population of the cities of Western Siberia (1890–1917)].” *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 4 (2010): 80–83 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “O nekotorykh osobennostiakh formirovaniia i ekonomicheskogo razvitiia pol'skoi obshchiny Zapadnoi Sibiri XIX – nachala XX v [On some features of the formation and economic development of the Polish community in Western Siberia in the XIX – early XX c.].” *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (2013): 88–97 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “The Polish community in western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century.” *Acta Histriae* 26, no. 2. (2018): 641–660 (in Russian). <https://doi.org/10.19233/AH.2018.26>
- Shaidurov, V.N. *Formirovanie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie nemetskoj diaspori na Altae, konets XIX – nachalo XX vv* [Formation and socio-economic development of the German diaspora in Altai, late XIX – early XX centuries]. Barnaul: Poligraf servis Publ., 2003 (in Russian).
- Shostakovich, B.S. “Chislennost' ssyl'nykh v Sibir' uchastnikov Ianvar'skogo pol'skogo vosstaniia kak issledovatel'skaia problema [The number of participants in the January Polish uprising exiled to

- Siberia as a research problem].” *Sibirskaja ssylka: Sbornik nauchnykh statei* 15, no. 3 (2006): 254–272 (in Russian).
- Skubnevskij, V.A. “Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Polish population of Siberia according to the 1897 census].” *Pol'skie ssyl'nye v Rossii XIX–XX vekov: regional'nye tsenry*, Kazan': Master Line Publ., (1998): 170–175 (in Russian).
- Skubnevskij, V.A., and Goncharov, Ju.M. “Poliaki v Sibiri (XIX – nachala XX v.) v osveshhenii postsovetsoj otechestvennoj istoriografii [Poles in Siberia (XIX – early XX c.) in the coverage of post-Soviet national historiography].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 69 (2021): 162–170 (in Russian).
- Smirnova, T.B. *Nemtsy Sibiri: etnicheskie protsessy i etnokul'turnoe vzaimodejstvie* [Germans of Siberia: Ethnic Processes and Ethnocultural Interaction]. Novosibirsk: Izd-vo instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Vibe, P.P. *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt* [German colonies in Siberia: socio-economic aspect]. Omsk: Nauka Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Александровна Брюханова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61; elena@hist.asu.ru, brelenochka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6974-5065>

Elena Alexandrovna Bryukhanova, PhD in History, Ass. Professor of the National History Department, Altai State University; 61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russia; elena@hist.asu.ru, brelenochka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6974-5065>

Оксана Ивановна Чекрыжова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61; niigi@yandex.ru; SPIN-код: 9823-1860; <https://orcid.org/0000-0002-9089-5404>

Oksana Ivanovna Chekryzhova, PhD in History, Ass. Professor of the National History Department, Altai State University; 61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russia; niigi@yandex.ru; SPIN-code: 9823-1860; <https://orcid.org/0000-0002-9089-5404>

Наталья Владимировна Неженцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61; neshenzewan@mail.ru; SPIN-код: 9383-5950; <https://orcid.org/0000-0002-6700-7739>

Natalia Vladimirovna Nezhentseva, PhD in History, Ass. Professor of the National History Department, Altai State University; 61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russia; neshenzewan@mail.ru; SPIN-code: 9383-5950; <https://orcid.org/0000-0002-6700-7739>